

Зоя Выхристюк

**ВИРТУАЛЬНОСТЬ
РЕАЛЬНОСТИ**

Зоя Выхристюк

Виртуальность реальности

«Издательские решения»

Выхристюк З.

Виртуальность реальности / З. Выхристюк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744072-5

Второе действие славногогорского спектакля, начатого в книге «Реальность виртуальности», или жизнь в ее непредсказуемом развитии. Надуманные обстоятельства или реальность, не вполне типичная, по-своему виртуальная. Главное — чувства, мысли, социальные вызовы персонажей можно примерить на себя. А потом решать — так ли запредельна обрисованная реальность. Выбор у каждого свой.

ISBN 978-5-44-744072-5

© Выхристюк З.
© Издательские решения

Содержание

«Ошараш»	6
Гармония в вазе	10
Созидательная сила корысти	16
Предупрежден – вооружен	18
Игра для «Number One»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Виртуальность реальности

Зоя Выхристюк

© Зоя Выхристюк, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Ошараш»

Сказать, что Лялька растерялась, услышав от Ахмада о возможном визите высочайшего гостя – ничего не сказать. Сначала она буквально впала в ступор. Ахмад не шутил, это она поняла. И все же сознание вбрасывало спасительные аргументы, ставящие под сомнение это ее бесспорное знание. За них она цеплялась, как утопающий за соломинку. И если бы не требовательный Сидней, ее любимый сенбернар, который после всех визитеров, наконец, остался со своей хозяйкой наедине, она, пожалуй, просидела бы на веранде сутки, обернувшись пледом. Тупо следила бы, как под порывами неизвестно откуда налетавшего ветра политые осенней позолотой листья медленно и плавно скользили наземь.

Сидней крутился у ног, явно раздосадованный ее автоматическим поглаживанием по голове. Не порядок – и нет никого постороннего, и внимания псу никакого! Наконец, он положил ей на колени свои громадные лапы.

– Фу, Сидней, – она осмысленно взглянула ему в глаза. – Что делать будем?

Он лизнул ее в щеку. И у Ляльки в который раз возникло чувство, что он понимает абсолютно все и до тончайших нюансов чувствует ее настроение. И, как всегда в таких случаях, она пошла наполнять его миску. Заодно и воду сменила. Он благодарно захрустел кормом и, казалось, успокоился: она уже начала двигаться, что-то делать, значит, все не так плохо.

А у Ляльки внутри творилось невообразимое. Словно она совершила нечто непристойное и была застигнута врасплох. Как в детстве, когда разбила любимую мамину вазу, а она вот-вот должна вернуться с работы. Потом накатило непреодолимое желание куда-нибудь сбежать, словно над территорией соседнего лесничества уже вертел лопастями вертолет, доставивший бесценный груз в виде высочайшего государственного лица.

– Так, Сидней, я – в город, а ты на хозяйстве.

Она вызвала такси. Быстро запрыгнула в брюки, надела черный свитер, достала кожаный пиджак, сгрузила в сумку косметику – по дороге бросить красок на лицо. Да, и не забыла шарфик. Лейла с Ирчей, двое из ее подружек, были буквально помешаны на бижутерии, правда, каждая в своей стилистике. А Лялька обожала шарфы, шарфики, шали, платки и платочки.

В городе не была уже недели три. Было без надобности. А тут вдруг накатило такое желание слиться с толпой. Или, как минимум, разбавить лицами их уединенное с Сиднеем бытие. Уже в машине постаралась придать своему порыву какой-то рациональный вектор. Вспомнила, что заканчивается собачий корм, неплохо бы пополнить запасы кофе-чая, моющих и прочих чистящих средств. Обрадовалась – поездка не выглядит каким-то бессмысленным бегством. Захотелось испить кофе с кем-нибудь из подружек. В хорошем, уютном интерьере. У Маруси еще пара лекций. Ирча может только в обеденный перерыв – ждать нет сил... Дальше по списку перебирать не стала, понимая, что и остальные в режиме своей обычной рабочей недели... Разве что Любася... Она – сама себе режиссер. Да! И опять же перечисления идут на счет ее агентства. Тайная надежда, что все, сказанное Ахмадом, мало вероятно, опять затеплилась в сознании, правда, притащив за собой беспокойство растерянности, отступившее от рационально-хозяйственных планов предстоящих покупок.

– Привет, подруга. Я в городе. Хотелось бы встретиться. Можешь? Через полчаса? Устраивает. Давай в новой кофейне, на углу. Ты же счет можешь проверить по телефону? Да не волнуйся. Встретимся – объясню.

Лялька даже обрадовалась, что полчаса сможет посидеть в кафе одна, понаблюдать за посетителями. Хорошее чувство: ты занят, ждешь, а значит, не маешься от безделья. Она безошибочно считывала эту печать неприкаянности на лицах. Бывает, сидит человек, почему-то чаще всего женщина, пьет чай-кофе, с сигареткой или без. Мобильник рядом. Чтобы обозначить, что востребована. А в глазах такая тоска, а через весь лоб какая-то нематериальная,

но легко читаемая надпись: «Погибаю от одиночества!» И чем больше дама пытается разжечь пламя внутренней легкости и даже веселья, тем явственнее надпись. Легкость-то нарочитая, искусственная, а тоска – реальная. И взгляд ищущий, со знаком вопроса. Никогда не подглядывала за своими подружками. Да и нет ни у одной из них такой печати, что со лба считывается. А ведь муж – только у Лейлы. Любовь-морковь, правда, в остаточном варианте, – у Любаси. И в декларативно нескрываемом поиске мужчины на диван – только они с Никой. Но печати на лбу и у них не видно... Похоже, она у тех, кто наполненность жизни только мужчиной меряет? Нет мужчины – жизнь скучна, ты на обочине. Есть мужчина – ты в порядке. Даже независимо от качества этого самого мужчины. «Нет, мои подружки лично цельные. У них и других игр в жизни хватает...»

Лялька зашла в кафе. Время предобеденное. Те, кто забегали испить кофейку с утра пораньше, заняты своими делами. А жаждущие отобедать массово еще не подтянулись. Посетителей было трое. Мужчина в возрасте за полтинник, обложился прессой. Рядом чашка с недопитым кофе. Старорежимно шелестит газетами. «Командировочный», – почему-то подумала Лялька. И две девицы. На нее они едва взглянули: больно интересна им, двадцатилетним, пятидесятилетняя тетка, да еще и строго одетая во все черное, исключая игривый шарфик. Они и «читателя» моментально отсекали – не тот экстерьер.

Лялька заказала салат, чай попросила сразу, с лимончиком. Села к столику так, чтобы лучше наблюдать за посетителями, персоналом и входной дверью.

«Нужно чаще выбираться в город. Дичаю. Мезансцена с командировочным, девицами, полусонным барменом и официанткой почти равнозначна спектаклю», – хохотнула про себя.

«Вот порода, – она наблюдала за барышнями, – такое впечатление, что у них не только волосы вытянуты до прямых, еще и ноги. От ушей. Сапоги с ботфортами... И юбка шарахнулась вверх от испуга...» Чем больше изучала девиц, тем типичнее и забавнее они казались. Абстрагируясь от окружающих, они с завидным аппетитом, как шахтеры после ночного забоя, заглотили по салату, супчику, а потом еще и по огромной отбивной. «Сильны, однако. Стройняги со зверским аппетитом...» Текстиля на них было мало, поэтому Лялька оценивающе прошлась по аксессуарам: сумки, сапоги фирменные, украшения золотые, не массовка, с камешками, телефоны, айпад... Одна ковырялась в нем, отрываясь на секунду от очередного блюда, не переставая общаться со своей визави.

Лялька разговор не слушала, хотя они и не сильно обременяли себя сдержанностью тона. Вот! Вот именно это, а еще уверенная манера завсегдатаев или просто хозяев жизни сквозили во всем. Без пренебрежения к окружающим, наивно-детский нескрываемый культ себя.

«Дочки богатых родителей? Малолетние бизнес-леди?» – она перебирала варианты, похрустывая зеленью салата. Любася не появлялась.

«И лица какие-то знакомые. Где могла видеть? Да и вообще, это поколение, что при деньгах, удивительно однообразны при массе возможностей. Нарощенные ногти, ресницы, волосы, обязательно прямые, длинные ноги... Так и хочется сказать: „нарощенные“. Минимум прикрытого тела. Как не мерзнут?» – Лялька повела плечами, похвалив себя за то, что надела тепленький свитерок.

Девицы что-то оживленно обсуждали.

– И что, сволочь не звонит? – долетел до лялькиного слуха обрывок фразы.

По ответу в полголоса догадалась, что «сволочь» была награждена эпитетами и как-то непарламентски охарактеризована. Слов не разобрала, но догадалась. По жесткому тону, неожиданному, если просто со стороны смотреть на этих милых длинноногих кисок.

«Да где же Любася? Уж не из эскорт-сопровождения девицы? Что-то мне сдается... Может знать... Видит же на корпоративах... Уж и „жриц“ бы этого цеха к себе пристегнула...» – Лялька откровенно ерничала, представив, как в недавнем прошлом завуч школы, а нынче успешная бизнес-леди в сфере организации праздников и торжеств, еще бы занялась

и услугами эскорт-сопровождения... Любася выходила из себя подруга, когда их подруга Мира предлагала включить в прејскурант агентства и торжественные проводы в последний путь, и прочие востребованные услуги. В деле Любасе даже чувство юмора отказывает.

У блондинки зазвонил телефон. Она резво взвилась со своего места и убежала на расстояние невозможности быть услышанной. По мимическим посылам своей подружке, кстати, жгучей брюнетке, Лялька предположила, что звонила та самая «сволочь».

... – Ой, здравствуйте, Любовь Ильинична! Как мы рады вас видеть!

Лялька оторвала взгляд от салата и немало удивилась: перед вошедшей Любасей стояли обе девицы. И куда подевалась их вальяжность хозяев жизни? Они приветливо и почтительно раскланивались и что-то щебетали.

– Привет, дорогая, извини, чуть припозднилась. С клиентом утрясала детали. А это – мои бывшие ученицы, – оживленно тараторила Любася.

– Я догадалась. Достойную смену воспитали, Любовь Ильинична. Дочки состоятельных родителей? – Любася напряглась, услышав в тоне Ляльки насмешливые нотки.

– Да нет. Кстати, блондинка с золотой медалью школу закончила. Очень умненькие, активные ученицы были. А что не так?

– Ну, посмотри на них не через призму своего учительского прошлого. Взгляни незамутненным глазом, со стороны. На брюнетке золотые цапки тянут на стоимость нашего коттеджа. Значит, не папы, а папики... Они тебе как своей учительнице не доложили, чем занимаются?

– У одной – сеть парикмахерских, у другой – химчистка и прачечная... – уже растерянным голосом продолжила Любася.

– Умницы. Сегодня поколение «интердевочек» прагматичнее – о будущем думает, в бизнес вкладывают. Уже неплохо, – Лялька веселилась, наблюдая, как у подруги постепенно меняется выражение лица. – А ты их на каких-нибудь «крутых» корпоративах не встречала? Ты же там часто мелькаешь по долгу службы.

– Да, пару раз было. Но я тогда не подумала, что они из..., ну, эскорт—сопровождения... Да может ты ошиблась, Лялька?

– Любася, да ты успокойся. И не считай «путанизм» твоих отличниц своим педагогическим просчетом. Есть такая профессия – ублажать мужчину, – Лялька паясничала. – И я вряд ли ошибаюсь, понаблюдай за ними. Эффект неожиданности прошел. Сделай лицо! Что за драматизм озабоченности? Они уже не твои несовершеннолетние подопечные. Девочки созрели. Насиликонены и отэпиллированы. А, может, и тату с пирсингом на скрытых от глаз местах имеется... Жаль, все же твое появление убавило «звук» – слышно плоховато. Понаблюдай и не бери на себя слишком много.

Любасе принесли ее заказ. И она как-то отчаянно громко отхлебнула пару глотков апельсинового сока.

– Вот, а сейчас не дергайся, просто не упусти деталей, – Лялька, не повернув головы и делая вид, что продолжает о чем-то своем говорить с Любасей, искоса продолжала следить за девицами. И это того стоило – третье преображение в течение часа в одном и том же месте!

В зал вошли, не прерывая начатый разговор, двое мужчин из поколения нынешних сорокалетних. Нет, не из «офисного планктона»! Бери выше. И девицы преобразились. Вошедшие – это уже их формат. Ножка на ножку, осанка, жесты, мимика... – все изменилось. Больше всего быстрый, сканирующе-оценивающий взгляд. И бессловесный диалог по поводу вошедших – мимика, взмах ресниц...

Любася помрачнела.

– Слушай, они всего на три, нет, четыре года старше моего Вовки...

– Да успокойся ты. Ну, есть разные формы организации инвестиций для развития малого и среднего бизнеса, – Лялька уже была не рада, что так беспардонно открыла Любасе амплуа ее бывших учениц.

– Все, отключитесь, Любовь Ильинична, вы не на педсовете. Я тебя не для этого позвала. На счет новые поступления были?

– Да, кстати, ты меня ошаршила. Я позвонила в банк. С какого перепугу Ахмад еще сделал годовой взнос к тому же с плюсом? Он ведь пару месяцев назад перечислил...

– Значит, не соврал... – Лялька помрачнела.

– Подруга, ты с ума сошла? С каких пор тебя печалит пополнение счета? – Любася вытаращила на нее глаза.

– Ладно, скажу, только не распространяйся, даже нашим. Я не знаю пока, что с этим делать...

– Деньги тратить. Средств Федерала не хватит, чтобы достроить пансионат... А, кстати, с чего это вдруг такая щедрость? Ты что, и его побила? – теперь резвилась Любася, хотя видела по лицу подруги, что той не до смеха. Мелкая месть за открывшийся «путанизм» отличниц?

– Он получил назначение, – Лялька перешла на жесты и кодовые слова, так что Любася поняла, что речь идет о высокой должности, – на родине. – А до этого много общался на самом верху. В том числе и неформально. Ну и рассказал о нас... Презентовал, блин, – Лялька откровенно досадовала, – и вот перечислил.

– Не поняла... За кого? За... – лялькин жест заставил эмоционально-импульсивную Любасю затормозить в самый последний момент.

– Все ты поняла правильно, – в голосе Ляльки звучала обреченность.

– Ой... И что делать будем? – Любася явно струхнула.

– Сама не знаю. Пока не болтай. Ну, деньги же мы можем и назад отправить? Если что...

– Отправить-то можем... Только что мы паникуем? Ну, неожиданно, – Любася пыталась приободрить подругу. – Позвони Иннокентию. Консультант он у нас, в конце концов, или кто? Пусть и парится!

Гармония в вазе

Пансионат, о котором говорили Любася с Лялькой, – это новый, еще только строящийся объект сообщества.

После экстрима с поркой, так тяжело давшегося Ляльке, Федерал слово сдержал. На счет любасинового агентства (туда поступала «абонентная» плата клиентов) зачислен тройной номинал – два миллиона четыреста тысяч рублей. Иннокентий настаивал на миллионе, но Ляльке и восемьсот тысяч с человека в год казалось круто. Это – деньги, как и оговорено с Федералом, на благие дела. Какие? По этому поводу состоялся очередной «совет в Филях» – общий сбор участников-учредителей их неформального дамского предприятия. Иннокентия уже пару месяцев был поставлен на финансовое довольствие, как консультант, но его преднамеренно решили не звать. Не потому, что мог «магически» давить на сообщество, просто из желания встретиться исключительно дамской компанией со столь излюбленной возможностью общаться без купюр, не адаптируя каждое слово по гендерному принципу.

Сентябрь только начался. У Маруси – начало учебного года: планы, всяческие заседания, новые аспиранты. И остальные в будни на работе. Решили встретиться в субботу, ближе к вечеру. Любася по долгу службы пристегнута к крутой свадьбе, и пока не убедится, что процесс пошел, все ответственные в сборе, в адеквате, гости по три первых рюмочки на грудь приняли, обрели нужный градус общей радости... До тех пор Любася свой капитанский мостик не покинет...

Первой прикатила Маруся. Собственно, на маленькой юркой «окушке» ее привезла Юлька, марусина дочь, лялькина наследница в телепередаче на губернском канале «О главном без купюр». Они выгрузили сумки с харчами, Лялька перекинулась с Юлькой парой фраз. Премница уверенно накачивает профессиональные мышцы, к счастью, без звездности – сопутствующего заболевания. Маруся сразу же по-хозяйски занялась привезенным мясом. Подхватила заколкой копну своих рыжих волос, надела фартук. Естественно она была в одном из своих любимых спортивных костюмов.

– Ножи острые, сразу видно, – толк от консультанта по экстриму, – хохотнула она, имея в виду Иннокентия. С его появлением в хозяйстве ножи всегда наточены, гвозди прибиты, лампочки вручены.

– Ага, хлеб не зря ест, – отозвалась Лялька. – Сидней, постыдись, только что тебя кормила, – обратилась она к крутившемуся вокруг Маруси сенбернару. – Что ты заглядываешь ей в глаза? Не мешайся. Не оставит она тебя без обрезков. И кость сахарную вижу.... Маруся, ты чего, ты нам мясо покупала, или кость Сиднею?

– Мясо купила отменное, да еще и со скидкой – мой бывший студент продавал. Нужно было пять лет изучать филологию, чтобы потом мясом на рынке торговать. Вот времечко... И вообще, Лялька, я сама с Сиднеем разберусь, это чисто наши интимные отношения. Так, Сидней?

Сидней благодарно-радостно завилял хвостом.

– А ты иди встречай! Прикатили.

«Точно все понимает», – подумала Лялька про Сиднея и пошла навстречу подружкам. Надо было проследить, чтобы в открытые ворота аккуратно вписались – Иннокентий переставил бочку с водой для полива на новое место. Не факт, что Майе с ее «ласточкой», так она называла свою серебристую тойоту, это сильно понравится. Припарковались. Правда, пришлось выгружаться вправо.

Майя прошмыгнула в свою водительскую дверцу. Ничего удивительного – самая тоненькая и маленькая из всех лялькиных подружек. О, да она еще и подстриглась как девочка-под-

росток. Ну кто ей даст ее сорок восемь? Стрельнув глазами, радостная Майя поймала одобрителный взгляд Ляльки.

Из машины по очереди показались Лейла, Ирча, Ника и Мира. «Еще Любася и цветник в сборе», – подумала Лялька, разглядывая своих подружек. Давненько они не съезжались вот так, вместе. Надо же, и еще все в брюках. Да и на ней самой были ее любимые цветные шаровары. Забавно, но брюки брюкам рознь. И как же в них видна индивидуальность... Почему-то вспомнились девицы из кафе – хоть и разные, блондинка и брюнетка, но как по одному шаблону. А ее подружки каждая – в своем стиле, не штамповка. На Ирче были ярко-зеленые брючки чуть выше щиколотки.

«Ясно, понимает, как демонстрировать породу».

Этим Лялька похвастаться не могла, и с каким-то трудно определяемым набором чувств – от ироничной зависти до восхищения – наблюдала, как Ирча предъясвляет миру свою породистую женственность. К тому же у нее еще был и плоский живот с круто очерченными бедрами при достаточно узкой для пятидесятилетней дамы талии. Ирча была в ярко-красных мокасинах, какой-то зеленовато-голубоватой блузке рубашечного кроя и, конечно, с украшениями – комплект из кораллов. Гламурненько! Сидела она рядом с водителем.

«Ну, естественно, не толкаться же сзади», – хохотнула про себя Лялька. У них с Ирчей было какое-то негласное состязание за комфорт. Подруга нередко пеняла Ляльке, обличая ее эгоизм: из всего возможного выберет лучшее – место, кусок торта, яблоко в вазе. Правда, не осознавая, в этом была зеркальной копией подруги, просто не всегда успевала ее опередить. Это не афишируемое состязание определяло характер их отношений много лет. И чисто из дамского упрямства ни одна не собиралась отступить.

С томной элегантностью экс-модели вывалилась Ника – в клетчатых брюках в облипочку, белой рубашечке с коротким рукавчиком, с красивым стильным ремешком и шейным платочком, в офигенных босоножках на высоком каблуке... Ну и что, что сама под метр восемьдесят? Ника несла себя по жизни гордо. Ее вообще можно было предъясвлять как образец ухоженности и стиля. И это не важно, что предстоял пикничок в чисто женском обществе. У Ники и макияж был безупречен.

«А здесь ведь не предвидится кандидат в „мужчину на диван“... – подумала Лялька. – Нет, Ника всегда в боевой готовности».

Мира не изменяла себе – широкие полотняные брюки, рубашка в тон песочного цвета.

«Пора бы уже сменить прическу...» – подумала Лялька в очередной раз подивившись своей нетерпимости при виде абсолютно лысого мириного черепа с тату на затылке. – Уже, по моему, и роман с буддистом-импрессионистом закончился, – тут же прикусила язык. – Злая ты, Ляля. Видно прав Иннокентий – стерва».

Последней катапультировалась Лейла. Она была в черных прикольных бриджах и черной блузке в белый горошек, на ногах – кроссовочки.

«Вот, человек приехал на пикник, – подумала одобрително Лялька. – Ага, но комплект украшений на месте – белый агат. Ну не ходить же голой».

Лялька безумно любила своих подружек, но что она могла поделать против природы своей? Иронично-любовно оценила их внешность и наряды. Будто по ним сверяла соответствие своего представления об индивидуальности и образе каждой. Соответствовали.

– Что-то здесь перестановочка... Не очень удобно парковаться, – заметила Майя, пока остальные выгружали из багажника то, что станет через несколько минут их торжественной трапезой.

Майя, кстати, была в джинсах и майке. И хотя все подружки «ягодного» возраста выглядели значительно моложе своих вокруг полтинника, глядя на Майю можно было подумать, что это – дочь одной из этих достойных леди.

– Привет, красотки! Нет – нет, сумки с харчами в этническую часть. Будем сидеть у хаты, – скомандовала Маруся. – Там мангал – чтобы не бегать. Не волнуйтесь – жарко не будет.

Сидней радостно обнюхал и облизал всем руки, оторвавшись-таки от своей сахарной косточки. Получил свою порцию любви и пошел сторожить... кость. Конечно, мало ли...

– Раз у хаты, – услышала Лялька голос Ники, —тогда посуда – гжель и все в стиле. И скатерть белую с голубой каймой.

Лялька с каким-то отстраненным любопытством и почему-то с радостью наблюдала, как в этом коттедже, где постоянно живет только она, каждая из них чувствует себя хозяйкой. Да что там... При ее, лялькином, бытовом пофигизме, они нередко лучше знали, что где лежит. Ну, Ника с Марусе и Ирчей, особо приученные к порядку – определено. Она порой звонила им, чтобы найти какую-то вдруг понадобившуюся вещь.

«Надо же, получилось, – подумала Лялька удовлетворенно. – Получилось общее дело. И даже первые деньги не поссорили. Посмотрим, что будет сейчас».

Накрывали на стол, подшучивая друг над другом. Маруся с Мирой приступили к священнодействию с мясом. И, к моменту, когда все было уже готово, у ворот затормозил «жигуль». Это Вовка-«канадец» примчал свою матушку. Его папа специалист из Канады, в далекие 90-тые монтировал оборудование на минераловодочном заводе. В него в свое время безумно влюбилась Любася. Брак не состоялся, зато сын-красавец налицо.

– Вы только взгляните на эту парочку, каковы! – не удержалась Лейла.

По дорожке в вечернем черном платье и ярко красных туфлях на высоких каблуках вышагивала Любася с красным клатчиком в руках. А рядом в темно-синем костюме, белой рубаше с красной бабочкой шел ее сын Вовка, радостно улыбаясь всей честной компании.

– Хороши, – подтвердила Мира, оторвавшись на секунду от мангала.

– Привет всем! Ну у вас и ароматы, на весь дачный поселок. Чуть не захлебнулся слюной.

Вовка, красивый, двадцатипятилетний парняга, под руку вел свою мать-леди. Она вынуждена была следить, куда ставить ногу в своих туфлях – к хате вела дорожка, выложенная булыжником.

– Надо покормить ребенка, – подала голос Маруся.

– Нет, нет, он там поест, – Любася плюхнулась в ближайшее ротанговое кресло и сразу же с облегчением сбросила с ног туфли. – Давай быстро назад и помни: Николаич может рюмку поднять только после первого залпа фейерверка, иначе катастрофа – вся свадьба насмарку. Главное, чтобы в эти полчаса, когда нас нет, кто-нибудь из гостей не проявил инициативу с «брудершафтами». Я всех-то предупредила, но от греха подальше, поезжай туда быстрее. Иначе сам будешь вести свадьбу.

– Видите, никакой жизни с такой матушкой и ее алкоголиками, – хохотнул Вовка, схватил парочку кружочков колбаски и театрально раскланялся.

– Какими еще алкоголиками? – возмутилась Любася. – Да Николаич – лучший тамада во всей округе, ну с профессиональными особенностями... Пить совершенно не может. Ирония судьбы: по долгу службы заставляет других радостно напиваться, а сам теряет контроль от пяти капель алкоголя. Вова, если что – звони! – крикнула она вслед сыну.

– Все, расслабься, без тебя справятся. Твой Вовка уже, по-моему, не хуже Николаича, если что, – Ника сидела на топчане, обложенная лоскутными пестрыми подушками. – Видела его в финале КВН, ему палец в рот не клади. А красавчик какой! Давай его в модельный бизнес, – и она, последовав примеру Любаси, освободила ноги от своих сногшибательных босоножек.

– Лялька, выдай нам с Любасей лапти.

– Вовка уехал, мужчин не ожидается, вы и на лапти согласны, – не удержалась от иронии Лялька и нырнула в хату.

– Никакого модельного бизнеса – мужик должен быть мужиком, – Маруся ничего не пропускала. – Ему звездности и внимания всегда хватало, а сейчас еще и на любасиных соберульках регулярно торчит. Я не против, пусть помогает матери, по совместительству, но работает в компьютерной фирме. Ника, нам одной модели хватит.

– Прошу без иронии, – не удержалась Ника, в далекой молодости отмаршировавшая парочку километров на подиуме.

– вспомните поэта: «Быть можно дельным человеком, но думать о красе ногтей». Это гениальное предвидение, – Лейла жестом экскурсовода привлекла внимание к полуразвалившейся среди подушек Нике. – Ты тому подтверждение – и умница, и красавица. Честно. Я не шучу.

– Ладно, красавицы, все в сборе. Кушать хочется. К столу, – Ирча уже облюбовала себе место поудобнее, чтобы видеть огонь, заходящее солнце, не дымить в сторону плохо выносящей сигаретный дым Маруси, да и оказаться рядом с миской только снятого с шампуров душистого мяса. Расселись все.

– Давайте за встречу! Давно так не собирались! – предложила Майя.

Зазвенели бокалами, приборами, задвигали челюстями. На время гастрономическая радость отодвинула вопрос, который был в глубине сознания у каждой: по какому случаю сбор?

После третьего тоста не выдержала Ирча:

– Ляля, может уже расскажешь, что случилось, что все вот так, спешно...

– Да, да, – поддержала Лейла, – а то шашлык-машлык... Так до дела и не дойдем.

– Хотела за кофе-чаем перейти к делу, вот вы нетерпеливые. Насытились, утолили голод, жаждете услышать, – Лялька улыбалась, хотя чувствовала, что есть нечто, что заставляет ее оттягивать начало разговора по существу. – Хорошо... Федерал перечислил два миллиона четыреста...

– Ни фига себе! Хороший мальчик! – не удержалась Мира.

– Дослушайте, не перебивайте. По нашему усмотрению мы, его не афишируя, должны направить деньги на благие дела. Десять процентов суммы – наши. Так сказать – накладные расходы, – Лялька выдала основную информацию и замолчала.

Повисла пауза. Стало слышно, как трещат дрова в русской печи, угли из которой перекаладывали лопатой в мангал по уже не раз отработанной технологии. Казалось, можно было почувствовать, как у лялькиных подружек внутри произошел запуск компьютерных программ. Им прежде не приходилось решать судьбу таких сумм «свободных» денег. Все, что удалось получить раньше от клиентов их предприятия, шло на развитие дела и небольшое вознаграждение, стимулирующее участие в лялькиных затеях. Да что там! Когда все начиналось, они и не сильно-то верили в успех. И начиналось-то все как авантюра в день рождения Ляльки. С мирного стеба на предмет «монетизации интересов». Речь шла о желании мужчин-участников телепередачи «О главном без купюр» пообщаться с ней вне телестудии, поговорить про жизнь. Словно она три в одном: коуч, психотерапевт или гетера разговорного жанра. Шахерезада наоборот – чутко внемлющая сказкам-былям из их жизней. Подружки поддержали Ляльку чем могли. Но рискнуть, кинуться с головой в неведомое, отказавшись от карьеры, привычного образа жизни не отважился никто. Может, правда, они и не видели своего места с ней рядом. Финансово из них никто не бедствовал. Каждая как-то справлялась с вызовами времени. Но деньги лишними не бывают. К тому же, у шестерых были взрослые дети, а сегодня и их профессиональное становление, и устройство личной судьбы – проекты затратные. Лялька предполагала, что эта первая крупная сумма, судьбу которой нужно будет решать сообща, станет испытанием, искушением и проверкой прочности их дамского союза. А, возможно, и их многолетней дружбы.

– А с чего это он проявил такую щедрость, – первой нарушила затянувшее молчание Лейла.

По изначальной договоренности, Лялька сама определяла степень откровенности в обсуждении деталей ее взаимоотношений с клиентами. Конфиденциальность была одним из условий существования предприятия. То, что последняя встреча Ляльки с Федералом стоила ей моря крови и сил, они знали. Но только Любася, Маруся и Иннокентий были посвящены в детали экстрима, когда ей пришлось выпороть их клиента, чиновника федерального уровня. Она справилась с этим с помощью «адептов» Иннокентия. Предварительно проработала с магом все постановочные и психологические детали действия. Ну что поделаешь, если клиент пожелал тотально обнулиться и настаивал на экстриме! Допустить, чтобы информация, что он был выпорот розгами и стал участником чистилища-судилища, было не только невыносимо, но и небезопасно. Лялька встретила настороженный взгляд Маруси: «Не болтай!» В знак согласия слегка кивнула головой.

– Он так решил. Это – знак доверия нам. Первая ласточка. Как знать, может, и другие когда-нибудь пожелают сделать что-то в этом духе, – стараясь быть убедительной, промямлила Лялька.

– Слушай, ну мы тебя знаем. Ты нас только сейчас ошарашила на пьяную голову, а сама-то с этой информацией не один день. У тебя, наверняка, есть мысли на этот счет, – прагматично заметила Ирча.

– Десять процентов – это двести сорок тысяч, – заметила Майя, экономический гений их сообщества и по совместительству финансовый директор минераловодочной империи.

– В одни руки – это сумма, а если поровну, на восьмерых, или... – и она вопросительно посмотрела на Ляльку.

«У Миры Петька временно безработный – ушел из одного банка, а в другой пока не попал. Извечная проблема молодых, а может и времени – дурак начальник. У Ирчи Ванька собирается на стажировку в Штаты. У Майи дочь хочет в аспирантуру. Никина только что открыла ателье – старт бизнеса. Любасин Вовка на старом «жигуленке»... Все эти миллион раз прокрученные мысли пронесли в лялькиной голове. И все же она спокойным твердым голосом сказала:

– Эти двести сорок предлагаю не дробить и передать их Марусе, чтобы купили Юльке новую приличную машину.

На мгновение снова повисла пауза. Лялька видела, как противоречивые чувства накрыли ее подружек. Любася обиженно поджала губы. Мира еще больше полыхнула румянцем. От алкоголя у нее и так всегда розовели щеки. Ирча глубже затянула сигаретой и забросила ногу на ногу по-американски, так что щиколотка правой ноги улеглась на колено левой. Лейла начала крутить белый агат кольца вокруг пальца. Ника подчеркнуто сосредоточенно уставилась на свой маникюр, словно мастер только что вскрыл ногти лаком. Майя сохраняла на лице улыбку, как бильярдист, только что разбивший по полю треугольник шаров: ну-ка, какие попадут в лузу? У Маруси ошарашенно распахнулись глаза. И в следующее мгновение она одновременно с Любасей произнесла: «Почему?» Правда, в тоне Любаси были нотки обиды, которые она не смогла скрыть. Маруся же испытывала растерянность, почему-то радости за дочь Лялька не услышала.

– Во-первых, Юлька – самая старшая из наших детей. Во-вторых, она уже медийное, узнаваемое лицо. «Окушка» уже не по статусу. Наконец, ей неплохо было бы найти достойную половину. Пусть все видят, что есть некий ценз состоятельности что ли, – Лялька старалась подбирать слова и убедительные аргументы.

Она произносила все это, прекрасно понимая, что нельзя больше обидеть мать, чем незаслуженно в чем-то обойти или задеть ее чадо. И теперь, подтверждение этой истины она с ужасом считывала на лицах подружек. Уж их-то она знала хорошо. У Ники и Майи тоже были достаточно взрослые дочери. Вовка, благодаря любасиному агентству, да и капитанству в команде КВН, не менее узнаваемое лицо, но на «жигуленке». А почему не купить машину

Петьке? Для поддержания статуса и, наконец, повышения конкурентоспособности при трудоустройстве. А, если Ванька самый младший из детей, так он вообще не в счет? И что, эти двести сорок только на детей? Лялька реально понимала, каждая из ее подружек имеет право на одну из подобных мыслей. В этом есть своя логика. И все же она продолжила:

– И еще. Юлька работает на ответственном участке, откуда возможен приток клиентов. Можно сказать, она работает на наш резерв. Как знать, вдруг потребуется пополнение. Вы же сами знаете, один умер, другой уехал.

Она словно оправдывалась, испытывая острое желание, чтобы едва уловимое недовольство, повисшее над их бесшабашной и так радостно начавшейся трапезой, куда-нибудь исчезло, растворилось, улетучилось.

– И вообще, я не с этого хотела начинать, – она не смогла скрыть в голосе нотки досады. Первой очнулась Майя.

– Это я влезла со своим подсчетом... Слушайте, да что мы прямо по еврейскому анекдоту: «Шел еврей по улице, нашел сто долларов, положил в карман и сказал: «Мало»

– Да я не хочу, чтобы Юльке, – начала было Маруся.

– Послушайте, мы о чем? Федерал перечислил... Мы даже не знаем, что с ним Лялька сделала, чтобы его на такое сподвигнуть, – отозвалась Ирча, которая исповедовала истину: дружба любит счет, и в житейских делах обладала здравым смыслом.

– Кстати, что же ты с ним все-таки сделала? – Мира подхватила импульсивное желания спасти ситуацию.

– Или все под грифом «секретно»? – включилась Лейла.

– Именно так, вы же не хотите, чтобы он киллера по мою душу прислал? – Лялька поняла, что опасность миновала, начался их традиционный треп с пикировками и приколами.

– А каков срок давности? Через сколько лет расскажешь? – Маруся делала вид, что совершенно не в курсе истории с Федералом.

– Не давите на меня. Обязательно расскажу, когда почувствую, что уже можно. Кстати, давайте про два миллиона и, если не ошибаюсь, сто шестьдесят тысяч поговорим. С юлькиной машиной, я так понимаю, мы определились. И помните, у нас общие дети. Поехали дальше.

Из моря благих идей, на которые можно было бы употребить деньги Федерала, выкристаллизовались изначально четыре. Первая – талантливые дети. Вторая – одинокие старики. Третья – бездомные животные. Четвертая – экология, борьба с цивилизационной бедой – бытовым мусором.

Обсуждали конструктивно, эмоционально, весело. Драйва добавляло ощущение, что буквально полчаса назад они все вместе справились с искушением. И миновали какую-то опасную черту, переступив которую, могли бы разрушить противоречивую, многослойную, многоконтекстную, но такую теплую связь, которая соединяла их много лет. Они очень дорожили ею, хотя никогда не обсуждали как явление, даже не называли это дружбой, потому что женской дружбы, якобы, в природе нет.

«Ваза склеилась», – подумала Лялька, и перед ее мысленным взором, как при обратном показе, мелкие кусочки хрусталя, переливающиеся на солнце всеми цветами радуги, вновь стали на место. А ваза, словно оттолкнувшись от пола, опять запрыгнула на стол. Именно такой картинке волшебства жаждала она тогда, в детстве, когда разгрохала любимую мамину хрустальную вазу. Кстати, единственную в их доме. Образ вазы не раз посещал ее в самых различных жизненных ситуациях. Да что там, эта хрустальная ваза, то разлетающаяся брызгами осколков, то вновь совершенно целая, по закону обратного действия, стала для нее символом хрупкости мировой гармонии. Вот, что значит сила детских эмоций

Созидательная сила корысти

Четыре вектора благотворительности, на которые можно было употребить деньги Федерала, обсуждали заинтересованно, даже страстно.

– Давайте конструктивно. Кто станет отрицать важность этих, да и еще кучи других направлений, – Маруся по-профессорски решила промодерировать дискуссию. – Но, провозглашая идею, предлагайте механизм осуществления. Голого тезиса мало – мне так представляется. А то сейчас поспорим до хрипоты или чего-нибудь похуже.

Лялька подумала о «вазе». По лицам поняла, что все уловили суть марусиного предложения и опасность второй раз за вечер оказаться у роковой черты.

– А давайте вернемся к началу, – предложила Мира, выразительно жестикулируя руками. – вспомните, пару лет назад из стеба родился проект. Мало ли чего не рождается после третьей рюмочки. Но какое наше общее желание подтолкнуло тогда к потоку продуктивного сознания? Не помните?

– Да, да, припоминаю, – включилась Ирча. И все с легким удивлением повернулись в ее сторону – обычно она страдала амнезией на детали. – Мы хотели денег, чтобы иметь загородный коттедж – место для уединения и вот таких пикничков. А сидели тогда в лялькиной квартире. Это потом уже лялькины интервьюеры всплыли, как возможный финансовый источник.

– Точно, тогда как-то все сплелось: лялькины журналистские байки про «пэров-мэров», как их обозвала Мира, и жажда пройтись босиком по траве, – модель Ника, сбросив лапти, босиком прохаживалась по газону, решив размяться – засиделась.

– И я о том же, – продолжила Мира. – Эгоистическое, корыстное, а, следовательно, истинное желание оказалось двигателем. Случилось невозможное – материализовался шанс заработать деньги за то, что Лялька общается с ее статусными клиентами. Использует свой потенциал – помогает как-то гармонизоваться. И за это платят! Но затевалось-то все, потому что нам всем, – Мира подчеркнула последнее, – нам всем хотелось иметь свой кусочек земли, коттедж и все такое. Логичен вопрос: а чего нам хочется всем?

– Ну, ты закрутила, Мира, как всегда, – не удержалась Ирча.

– Чего нам хочется? Денег, счастья, интересной жизни. Да, и уверенности в завтрашнем дне.

– Правильно, – подхватила Мира. – А нам всем уже не по восемнадцать, и хоть мы все еще бодры и веселы, но впереди....

– Ой, давайте не будем о грустном, – лучезарно улыбнулась Майя.

– Вот и я о том же, – не уступала Мира. – Чтобы не было грустно через тридцать лет (надеюсь, у каждой из нас активной жизни не меньше), давайте все устроим сегодня.

– Не вполне понимаю тебя, Мира, – Лейла отстаивала идею создания приюта для бездомных животных и никак не могла отследить логику подруги.

– Ну что тут не понять? Давайте на средства Федерала создадим пансионат для одиноких стариков, но сделаем его таким, чтобы, когда нам будет по восемьдесят, ну ладно, под столик, мы в нем могли бы радостно и беззаботно осмысливать реальность.

В очередной раз за вечер повисла пауза, а потом все заговорили почти одновременно. И о том, что это должно быть не какая-то ночлежка или банальный стардом, а уютное пристанище для каких-то особых лиц. Для людей, которые сделали что-то созидательное для человечества, пусть всего лишь в ближайшем социуме. И что у каждого должно быть свое собственное жизненное пространство, на восемь постояльцев – они просто посчитали себя.

– Нет, девять, – возразила Лейла. – А Алекс?

– Пусть девять, даже десять. Еще же и Иннокентий, хоть он и молодой еще, – добавила Лялька.

Идеи фонтанировали. Они уже представляли и кухню-столовую, и помещение для персонала, и общую гостиную с роялем и библиотекой, и зимний сад, и картинную галерею, ну, конечно, и цветничок с огородиком...

– Обязательно с верандой, – настаивала Ирча.

Все знали, что покурить на веранде в кресле-качалке было ее излюбленным занятием.

– Кстати, должна быть комната для гостей и детская – у нас же будут внуки и правнуки, они будут навещать.

Лялька слушала их и диву давалась: когда обсуждали их тайное дамское предприятие с предполагаемыми мужскими откровениями, резвились и стебались по полной, а тут и шутки в меру... Видно мысли об одиночестве и немогущности, возможных не за горами, из подсознания не выбросишь. Никто не хотел примерять на себя роль беспомощной старухи, но они уже достигли возраста, когда заглянуть в завтра, оглядываясь по сторонам, все-таки приходилось.

– Вот и хорошо. У нас не по косому десятку детей, а у Ляльки с Лейлой их вообще нет. Так что дети у нас общие, и очень не хотелось бы заедать их жизнь, стать им в обузу. Ну, на закате. А вместе, да еще, если мы сейчас все обустроим и опробуем на других, будет гораздо веселее, – поддержала идею Маруся.

– И я о том же, – удовлетворенно подвела черту Мира. – Кстати, а как вам название пансионата «Радостный закат»? Ну что вы? Как рабочий вариант...

– И надо делать где-то здесь, в дачном поселке, поблизости, – предложила Майя.

– Ой, только не по соседству. Не готова принять на грудь, кроме наших клиентов, еще и постояльцев пансионата. Мне тогда житья не будет. Да и, знаете, я не сильно терпелива к старикам. Я не Лейла с ее безусловной любовью к старикам и бездомным животным. Говорю честно, увольте, – Лялька не пыталась казаться лучше, чем есть. Она давно сроднилась с истиной: нет ничего честнее эгоизма. А честность – это вообще наименее затратная форма общения с миром. Поменьше лукавства – проще жить.

– Лялька права – ей и ее клиентов хватает, – поддержала Маруся. – Но, я согласна, надо делать это все за городом.

– Кстати, красотишки, а мы ведь никогда не жили все вместе под одной крышей даже и неделю, – иронично-прагматично заметила Ирча. – А здесь планируете пожизненное соседство.

– Мне кажется, терпимость с возрастом должна возрастать, – предположила Лейла. – Да и чего мы, в самом деле? Мы же пока о пансионате для других говорим. Это же не завтра под одну крышу съезжаться.

– Я вам там по вечерам у камина... Там, кстати, камин же будет? ...Буду анекдоты читать, – Мира решила: пора возвращаться в день сегодняшний. – Так что предлагаю выпить за наши блестящие перспективы лет этак через «дцать»!

– Да, и за здоровье Федерала, на всякий случай, – продолжила Ляля, поднимая бокал.

– Слушайте, – не унималась Мира – ее опять понесло, – а потом еще и лялькины клиенты к нам подтянутся. Там должен быть еще и танцпол.

На тему счастливого будущего перед последней чертой веселились еще часа полтора, но идея обрела право на жизнь.

Предупрежден – вооружен

Идею пансионата Федерал одобрил. Опасения лялькиных подружек, что он сбегит туда всех своих престарелых родственников, не оправдались, но одну кандидатуру он все же назвал...

На летних каникулах, когда его, школьника с Урала, родители отправляли в Славногорск к дедушке с бабушкой, брал он уроки живописи у местного художника. Да и уроками, строго говоря, это назвать было сложно: приезжал мальчик, который учился в художественной школе, и здесь, в Славногорске, ходил хвостом за Петром Ивановичем, который дружил с дедом. С красками и мольбертами исходили они все окрестности. В его мастерской будущий Федерал проводил времени больше, чем у родителей отца. Так что не только родные могилы тянули его сюда из Первопрестольной – он навещал и своего учителя-наставника, к которому питал теплые, практически родственные чувства.

Петр Иванович в Славногорске – личность известная. Лялька как-то пересекалась с ним еще в свою бытность секретарем горкома комсомола. И Ника его знала по выставкам работ в местном краеведческом музее – все же статус заместителя начальника управления культуры обязывал.

Кандидатура №1 определилась.

С идеей пансионата все складывалось на удивление благоприятно – верный признак, что попали в точку. Высшие силы тому способствовали. Лялька давно уже заметила – богоугодные дела легко решаются. Она не сильно распространялась подружкам об этой своей непоколебимой уверенности, дабы не попасть под обстрел их остроумия. Да и под «богоугодными» она разумела широкий спектр деяний, нередко к церковности и религии не имеющих никакого отношения. Случалось, в каком-то сложном деле, которое и не знала как довести до конца, вдруг появлялась твердая уверенность – надо действовать, одобрено Свыше. Вот и с пансионатом все завертелось как-то быстро, само собой. И участок пустой, с одним фундаментом, нашелся быстро, буквально на второй день после их «совета в Филях». На другом конце поселка, ближе к городу, прямо у автобусной обстановки. Так что лучше и придумать трудно.

Ника вышла на бригаду строителей, которая с подачи Мента (ну и дал же Иннокентий Ники их клиентам – будь здоров), рекордно быстро отстроила их первый, лялькиный, коттедж. Кстати Мент обрадовался и в своей далекой Австралии включился в тему – мужик-то он с головой, в строительных делах толк знает: прислал варианты проекта, до деталей предусмотрел, как лучше осуществить задуманное. Лялька предположила, что есть за этим и его личная корысть. Уезжая жить к сыну в Австралию, именно им оставил деньги и поручение присмотреть за мамой его погибшего друга. Говорил, что ему она, как мать. И пока живет одна – младший сын с семьей все еще на Северах, никак на пенсию не выйдет.

– Ну, значит, так тому и быть, – решила Лялька. – Все идет естественным путем.

Строительство увлекло и Иннокентия. Он притащил доку в вопросах альтернативных источников энергии, и вообще продвинул идею максимального внедрения на объекте новых, экологически чистых технологий. Короче, Лялька в реально-виртуальном режиме объединили Иннокентия, Нику, Мента и его строителей. Пристегнула Ирчу с Майей для контроля за рациональным расходованием средств и ушла в сторону, потому что процесс ее общения с клиентами требовал сил, сосредоточенности и уединения. С ними не соскучишься.

«Это уж точно, – подумала Лялька с ужасом и вернулась к размышлению. – Что делать, если все то, о чем предупредил Ахмад... Да что там предупредил, что уже оплатил Ахмад, станет реальностью? Что-то Иннокентий пропал, мой внутренний „SOS“ не ловит. Надо звонить. Пусть приезжает». И, не откладывая «на потом», тут же набрала его номер.

– Ага, – услышала она голос Иннокентия. – Чую, понадобился, – нахально-радостно, как показалось Ляльке, донеслось из мобильного. – Что, старушка, опять экстрим?

– С чего взял? И чего веселишься? Ты где? Нужно увидеться, – из гаммы ее противоречивых чувств почему-то поперло раздражение, как тогда, в ситуации с поркой Федерала. Без Иннокентия и его «адептов» она ни за что бы не справилась. Но сколько раз тогда готова была отпинать его за оптимизм и хладнокровие. Умом понимала, что так вел себя, потому что она, Лялька, была в полной растерянности – уж точно, лучше бы не стало, начни он тогда утирать ей сопли и причитать.

– А я уже по пути в Славногорск. Приеду к сытному (последнее подчеркиваю особо для недоговорящих) обеду, – и он отключился.

– Едет твой Иннокентий, сказала она вертевшемуся у ног Сиднею.

«Зачем говорю? Он и так все поняла.... Вот, собака...»

– Ну чего ты так паникуешь? Для начала успокойся, – Иннокентий с аппетитом заглотил полноценный обед из трех блюд. И в ожидании чашечки кофе, аромат которого, казалось, заполнил пространство всей кухни-столовой, извлек одну из своих бесчисленных трубок.

Выглядел он как всегда достаточно экзотично: пучок непослушных волос до плеч стянут в хвост, из-под коротких рукавов майки (пиджак он снял) выглядывали его наплечные тату, чуть ли не на каждом пальце по кольцу, в ухе – серьга, на шее – амулет. Правда, брюки, майка и мягкие туфли – в коричнево-бежевой гамме.

«Взрослеет. Что-то нынче он не такой пестрый, как раньше», – хмыкнула про себя Лялька, словно сорокалетний Иннокентий был пятнадцатилетним подростком – «взрослел».

За время их знакомства, а тому уже пару лет, с начала их по-авантюрно необычного проекта, Лялька видела его в разнообразной цветовой гамме. Это Любася тогда предложила, а Маруся поддержала идею привлечь к обсуждению сути предприятия их знакомого мага. С ним подруг свела судьба на диком морском берегу у Медведь-камня, куда бежала Любася, дружески сопровождаемая Марусей, от своих невозможных переживаний, обманутых ожиданий и страданий по поводу Апполона. Нет, не греческого бога, а вполне реального плотского создания, в которого Любася вздумала влюбиться, додумав образ, чем и приклеила себя к нему. Так нередко случается с одинокими женщинами. Наделала кучу ошибок, к счастью, не роковых. Причем, все происходило в таком блиц-режиме, что всего год отсутствовавшая в Славногорске Лялька (это когда она задержалась в паломническом поиске себя настоящей) стала свидетельницей лишь обломков любасиной страсти, последовавшего затем быстрого выхода из депрессивной ямы, с резкой сменой парадигмы жизни. Из ипостаси завуча школы Любася трансформировалась в бизнес-леди досуговой сферы – поставила на своей педагогической карьере жирную точку. Мягкое прохождение такой высокой амплитуды чувств, эмоций и перемен, дамское сообщество, с подачи Маруси, вменяло в заслуги Иннокентию – «магу», как он себя отрекомендовал. В поиски истины – маг он или не маг, Лялька не вдавалась, но то, что он давал дельные советы и жил, ощущая многослойность реальности, обладал интуицией, знанием психологии, основ эзотерики, народного целительства и чего-то еще, отрицать не могла. Что грешить против фактов? Да и помогал он ей уже пару раз, когда от эмоционально-психологического напряжения, а, может, и от волн иного свойства, которые накатывали на нее девятым валом, ляльки организм давал сбой.

– А ты бы не паниковал? – защищалась Лялька.

– Но ты же хотела составить представление, свое личное, о первых людях планеты? Сама признавалась, рассказывая о журналистских амбициях. Или забыла? А кто у нас нынче «Number One»? – Иннокентий раскуривал трубку и хитро улыбался.

– Ну, хотела, как журналист.

– Вот и надо четче формулировать желания, – хмыкнул Иннокентий.

– Ну и что я с ним буду делать? – ее бесило его нарочитое спокойствие, будто ситуация совершенно штатная.

– Что и с остальными, – он отхлебнул кофе.

– А что я делаю со всеми? С ужасом думаю, что ничего я с нашими клиентами не делаю.

– Ага. И они за здорово живешь тебе по миллиону в год отстегивают, – он словно специально хотел ее довести до крайней точки кипения.

– Во-первых, не по миллиону, а по восемьсот тысяч, – защищалась Лялька, сама понимая сейчас всю глупость этого аргумента.

– А во-вторых, что бы я ни делала, мне на их болевые точки давить приходится, называть многие вещи своими именами.

– И тут, старушка, придется, – он сидел в клубах табачного дыма и, как из заоблачных высот, пророчествовал.

– Ты с ума сошел? Да я от эстрима с Федералом еле выжила. Реально думала, киллера пришлет.

– Помню-помню, но «Number One» – не твой Федерал. Этот «перец» про себя, да и других все знает, – продолжал Иннокентий невозмутимо.

– Но ты с «перцем» -то поаккуратнее. Как-то беспардонно, – она посмотрела на него с укором.

– Ну да, надо как на инаугурации, – и он дикторским голосом в полную мощь начал:

– Внимание!..

Лялька ладошкой захлопнула ему рот.

– Знаете, Кеша, – обратилась она к нему, как никогда раньше, – не паясничайте, имейте уважение к статусу и личности. Не переходи грань и поаккуратнее, – уже в своей обычной манере закончила она.

– Ну успокойся, я же специально хочу, чтобы с тебя сошел великодержавный трепет – смесь почтения с генетическим страхом времен железного занавеса. У тебя и чувство юмора, и здоровый авантюризм куда-то выветрились. Пряма-таки полный паралич мыслительной деятельности.

– Вот тут ты прав, – как ни странно она почувствовала, что успокаивается.

– Да и как же спасительный тезис: «все люди...» – он уже видел, что перелом в ее состоянии произошел. – Давай, помоделируем ситуацию, хотя, скажем честно, я не сильно верю в реальность его появления здесь. Так что перестань трястись, словно над лесничеством уже вертолет заходит на посадку.

Лялька, казалось, схватилась за спасительный круг:

– Я тоже думаю, что это маловероятно, Так что миллион Ахмада трогать не будем и через время вернем назад.

Увидев, что она уже успокоилась, но готова, как страус, зарыть голову в песок, он спокойно продолжил:

– Но если есть хоть малейшая вероятность (Ахмад, конечно, не скупец, но и миллионными не разбрасывается), надо сосредоточиться. Постарайся увидеть хорошее. Предупрежден – вооружен.

Сердце Ляльки опять ушло в пятки, но это уже были американские горки с динамикой и выплеском эмоций, а не тягучая высокочастотная внутренняя паника, как было эти пару суток, когда Ахмад благополучно отбыл.

Игра для «Number One»

– Давай подумаем, что при обилии возможностей – информационных, финансовых, властных, – может подтолкнуть к встрече с тобой? При тотальной занятости, кстати... – Иннокентий развалился в кресле, вытянув вперед ноги – ступня правой на щиколотке левой, руки занял четками.

«Ага, взял четки, а то крутил бы свои перстни или браслет», – Лялька хорошо знала внешние признаки, когда он серьезно размышлял, без стеба.

– Ахмад понарасказывал сказок, – буркнула Лялька.

– Ему, знаешь, сколько сказок рассказывают каждый день? Разбираться в сюжете, да еще и инсценировать каждую ни сил, ни времени не хватит. А что, кстати, ему такого мог сказать Ахмад? Причем такого, чтобы вызвать реакцию заинтересованности со стороны «перца»... Ой, прости... «Number One», – поправился быстро Иннокентий, встретив бешеный взгляд Ляльки. – Да так, что тот спешно перечислил деньги.

– Ну, деньги отправил, чтобы я его не отправила, – отозвалась Лялька. – Он ведь хитро поступил: огорошил в последний момент и тут же уехал. Думаешь, если бы заранее у меня спросил, я согласилась бы? Да ни за что!

– Так, ну логика Ахмата относительно тебя ясна. Хорошо, но там, в окружении «Number One», предполагаю, все только и ловят возможность чем-то привлечь заинтересованное внимание. Чем же смог заинтересовать Ахмад? Что рассказал?

– Если бы я знала, – с досадой отозвалась Лялька. – И не узнаю, по крайней мере, в ближайшее время. Наша встреча с ним – через три месяца по плану. По неписанным правилам, я сама клиентов не беспокою, если надо, они выходят на связь в промежутке. Да и не факт, что он что-то расскажет.

– А может дело и не в словах? – загадочно отозвался Иннокентий. – «Перца», то есть «Number One», словами не проймешь – он слов слышал много, я же говорил. Может дело в Ахмаде?

– Что ты хочешь этим сказать? – Лялька уставилась на Иннокентия.

– Он же давно его знает, а назначение Ахмад получил только что. Может, увидел, как изменился Ахмад? Уж у него-то есть все условия, чтобы отследить это. Кому уж знать, как не ему?

– Да что Ахмад? Ахмад он и есть Ахмад, – Лялька любила Ахмада, как брата, но и, не скрывая, была зла на него сейчас. – Знаешь, он книжку написал. Точнее, пока это рукопись.

– Ну-ка, ну-ка, поподробнее, – оживился Иннокентий.

– Ну да, о своей жизни. Сказал пришет. Но пока не получила ничего. Обещала отредактировать и помочь с публикацией. Говорит, что осмыслил свою жизнь, многих простил, отпустил прошлое. Кстати, он был какой-то особенный в последний раз, с внутренним светом что ли. Я думала, что это из-за назначения. Да еще и с бизнесом стало лучше: какой-то долг ему вернули. А может из-за рукописи? Сделала она свое дело...

– Уже теплее. Хорошо бы рукопись поскорее получить. В ней могут быть какие-то подсказки. Хотя, мне кажется, картинка прояснилась. «Number One» стало интересно, что за штука повлияла на трансформационные процессы у Ахмада.

– А я-то тут причем? – вновь возопила Лялька.

– Ну вот, опять за рыбу гроши. Ты совсем тут не при делах, – паясничая, закончил Иннокентий.

– Хорошо, допустим. Но что из этого следует? – Лялька не унималась: «Умничаешь? Так умничай конструктивно».

– Из этого следует, что главным побудительным мотивом встречи с тобой может быть: а) любопытство, читай – «скука», б) подсознательно ощущаемая потребность каких-то внутренних перемен: он ведь тоже человек, все же – люди. И, наконец, в) желание выйти в народ. Ты же понимаешь, народ это только так понятие однородное, а тут – информация о явлении из народной жизни неформатного порядка. Ну, захотел он, предположим, неформат в народе поизучать.

– А мне-то что делать? – в очередной раз раздался голос Ляльки, уже смахивающий на вопль. – Чай с ним пить?

– Не исключено, – опять нарочито спокойно, как о чем-то будничном, продолжил Иннокентий.

– Ты же пьешь со своими клиентами чай?

– Ты что, совсем меня не слышишь? Я же за чаем вынуждена говорить то, чего они слышать не хотят, от чего закрываются.

– И ему скажешь, – улыбнулся лучезарно Иннокентий.

– Ты определенно спятил. Да я представляю, как там, наверно, они право дурной вести друг другу «доверяют». Знаешь, еще по горкомовским временам помню, первому секретарю докладывать даже о коммунальных авариях замы, помы, зампреды исполкомов с удовольствием честь другому уступали, мягко говоря.

– Да ты не дрейфь. Ты в игровой форме, – он уже что-то уловил, обрадовался и потому продолжил резвиться.

– В какой игровой форме? – она была уже в ярости.

– В игру с волчком: «верю-не верю»... Что-то в этом духе. Сформулируем тезисы из различных сфер жизни: бред, истина, абсурд, провокация, систематизируем. Волчок укажет конверт с темой, а два игрока – ты и он, – в банке правды зарабатывают карточки. Красные, допустим, «верю», а синие – «не верю». Побеждает вера, то есть тот игрок, который сможет набрать большее количество красных карточек. По позициям, по которым появились на руках оппонента синие карточки проводится дискуссия, чтобы переубедить неверующего и, если удачно, то синяя карточка в банке правды обменивается на красную. Что-то в этом духе... Но все тезисы должны касаться, правильно, девочка, ты догадалась, должны касаться персоны гостя, – Иннокентий веселился. – Лукавить с ним нельзя. Он специально обучен на распознавание «правда – ложь». Ну, если что, детектор лжи затребуешь, как условие проведения встречи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.